

Игорь Колесников

Домой

Сны. Я всегда любил сны. Странными казались мне люди, которые утверждали, что снов не видят. По данным науки сны видят все, только не все их запоминают. Я помнил. Помнил некоторое время после пробуждения, когда сам ещё толком не понимаешь, спишь ты или бодрствуешь. Помнил, когда пил утренний кофе с молоком и бутербродами. Смутно помнил, когда одевался и собирался на работу. Чуть-чуть ещё припоминал, когда ехал в маршрутке на службу, но в обед уже абсолютно не мог добыть из памяти ничего, сколько бы ни силился. Оставалось только ощущение. То я помнил, что снилось что-то благостное, то в душе оставалось некая тревожность.

Треть жизни человек проводит во сне. А то и больше, ведь поспать я всегда любил, и восьми часов мне обычно не хватало. Мне сорок девять. Значит, я проспал едва ли не двадцать лет! Целая жизнь. По крайней мере, мне так казалось, когда я был восемнадцатилетним. Целая жизнь, которую человек проживает в собственных фантазиях и нереальных приключениях! Вот это да! Иногда так неохота просыпаться, когда во сне путешествуешь

по неизведанным странам и покоряешь дикие просторы нереальных континентов. Но вечером от пламенных страстей не остаётся и уголька, и подушка снова манит к себе, обещая новые призрачные впечатления.

Так у меня было всегда. Всю жизнь, как у всех. Пока я не оказался в одну прекрасную ночь в странном и чарующем месте...

Я пробирался через мокрые джунгли. Длинные кожистые листья не больно хлестали по лицу, а раздвигаемые заросли обдавали с головы до ног тёплой влагой. Неожиданно я выбрался на опушку. Под ногами с тихим журчанием струился небольшой прозрачный ручеёк, берега которого были обрамлены невысокими кустами с огромными ярко-красными махровыми цветами, благоухающими сочно и незнакомо. Дальше, за кустами, снова сплошной стеной начинался плотный тропический лес. Пробираться сквозь него было бессмысленно и неохота. А уютный берег ручья, покрытый изумрудной шелковистой травкой, манил и радовал.

Усталости я не чувствовал, но с благоговением опустился на траву. Чёрт! Если и есть где-то рай, то он должен выглядеть именно так! Близкие незнакомые деревья на другом берегу были увешаны какими-то грушеобразными плодами. Воды ручья были прозрачны, что

совершенно нехарактерно для тропиков. Я слегка удивился, но тут же забыл об этом, привлечённый движением какой-то живности в воде. Надо же! Вдоль каменистого дна неспешно продвигались пятнистые спины форелей длиной с добрый локоть. Чудеса!

Хе! Это было только начало! Я полулежал в мягкой тёплой траве, любовался невиданными цветами, вдыхал манящие и пьянящие терпкие их ароматы, рассеянно слушал чарующие звуки пения невидимых за густой листвой птах. Я блаженствовал! И вдруг из зарослей тихо вышел на полянку странный небольшой зверёк, похожий на лань, только полосатый. Причём, полосы были красного и желтоватого цветов. Я замер и затаил дыхание. Я старался даже унять стук собственного сердца, только бы не спугнуть диковинное животное.

Но самыми удивительными оказались глаза неведомого зверька. Мы привыкли, что зрачок круглый. У кошки он может быть вертикальной щёлочкой, у козы — прямоугольником. Но ни у кого из известных существ я не видел зрачка в виде креста. Этот малыш безбоязненно подошёл совершенно вплотную ко мне. Я сидел, затаив дыхание. Очевидно, животное никогда в жизни не видело человека.

В дебрях великолепного фантастического

леса, на чудесной, покрытой душистыми цветами полянке, я сидел на берегу ласково журчащего прозрачного ручейка и смотрел в лазуритового цвета глаза неведомого симпатичного зверька с крестообразными зрачками. Надеюсь, вы понимаете, что мне вовсе не хотелось просыпаться?

Я протянул руку. Малыш чуть отпрянул, но тут же с любопытством потянулся к моей раскрытой ладони своим чёрным лаковым носом...

Мелодичный свист Клауса Майне в песне «Винд оф ченч» непрошенным гостем ворвался в мои великолепные видения. Стремительно исчез зверёк, завертелся в разноцветной круговерти сказочный лес и исчез в небытие, подобно существующей лишь мгновение падающей звезде. Я лежал в своей постели, жена отвернулась от меня к стене, а из будильника продолжала звучать знаменитая мелодия «Скорпов».

Было это или нет? Как обидно! Вот она, картинка, всё ещё стоит перед глазами, но больше я никогда её не увижу, а скоро и позабуду, как все остальные сны. Я задумчиво чистил зубы, пил кофе, не чувствуя его вкуса, одевался на работу. Механический набор движений, повторяемый изо дня в день много-много лет подряд. Казалось, тело само могло справиться с привычными задачами, для этого вовсе не требовалось участие разума. Потому что разум всё ещё был там, на берегу того

волшебного ручейка.

Я прикорнул в маршрутке, неосознанно стремясь снова вернуться в потерянный навсегда рай. Вот-вот, казалось бы, ещё минутка, и я опять окажусь в своих грёзах. Я уже почти начал чувствовать знакомый терпкий аромат цветущей поляны. Но... нет. Я проехал свою остановку. Впервые за все годы работы в институте.

День прошёл вяло. Обычная рутинная работа, перекладывание бумажек, выполнение расчётов. Никто бы и не заметил, если бы я не появился вовсе. Никто, кроме начальника, который строго посмотрел на меня и сказал:

— Валерий Палыч, вы сегодня не выспались?

Чёрт, неужели так заметно? Перед глазами, как наваждение, до сих пор стояло видение тропического леса.

— Да, Николай Иванович, плохо спалось что-то...

Но к вечеру наваждение немного рассеялось. Дома ждал дымящийся ужин. Молодец, всё-таки, Валя-то моя!

— Как дела на работе? — спросила жена за ужином. Я без аппетита прожёвывал тушёную картошку с грибами.

— А Ленка-то, представляешь себе! — продолжила супруга, не дождавшись от меня ответа. — Нашла себе мужа-иностранца. Говорит,

итальянец, богатый! Сбылась мечта идиотки.

Последняя фраза была произнесена с оттенком лёгкой зависти.

— Как думаешь, долго проживут? — не переставала щебетать Валентина. Я пожал плечами.

— А Свиридовы «Кайен» купили! — продолжался диалог из одних уст, — и где только люди деньги берут?

Деньги, деньги... Это бзик моей половины. Всю жизнь она считает, что нам не хватает денег. Квартира есть, дача, машина, одеты, обуты. Дети пристроены. Мария замужем, уехала с мужем в Омск. Илья учится в Гамбурге. Ещё и работает, молодец, голова есть на плечах! А ей всё мало! Да жили бы богато, только проблем наживали. На нашу дачу никто не позарится, а к соседу в трёхкомнатный особняк уже трижды воры наведывались, да и поджечь пытались. Вот и думай, сигнализация, охрана там всякая. Конечно, он может себе позволить амбалов нанять. А я не люблю чужих. На дачу я еду отдыхать, в трусах ходить, чтобы никто посторонний не видел.

Валька чего-то там рассказывала про Зинку, Надьку и ещё чёрт знает кого. Я так и не запомнил имена всех её многочисленных подруг. Вот у меня один только друг, ещё с армии. Мы с ним и в институт вместе поступали, только он баллов не добрал. Потом я у него на свадьбе шафером был. А

ко мне не смог Колька приехать, живёт он далеко, в Хабаровске, и болел тогда тяжело. Да и сейчас что-то нехорошо с ним. Темнит, не признаётся. А звонит всё реже, да и голос какой-то странный, натужный, что ли.

Болтовню супруги я привычно пропускал мимо ушей. Допил чай и решил пойти посмотреть телевизор. Погода сегодня какая-то сонная. Пасмурно, темнеет рано. Шторы полузадёрнуты, телевизор нудно бубнит. Я быстро начал клевать носом. А ведь время всего только восемь.

«Бу-бу-бу», — монотонно бубнил диктор. Что там? Про Израиль, про газ, про погоду. Кому, на фиг, это интересно? Про какой-то странный случай. Инженер-сметчик Валерий Трюфельников случайно стал первым в мире исследователем таинственного тропического леса. Чего!? Я приоткрыл один глаз. Валюха трепалась по телефону в бывшей детской. Ну, это надолго! Диктор рассказывал про национальный доход.

— Валь! Ва-аль! Ты слышала, что по телевизору говорили?

— Что? — жена высунулась из двери, прижимая трубку к плечу.

— Да ничего... — откуда ж она слышала. — Всё нормально!

Да уж, сплю! Сплю на ходу. И такое ощущение, что всю ночь вагоны разгружал. Устал

так, что руки не поднимаются, а ничего не делал. Пойду, пожалуй, лягу.

— Я спать, — бросил я в соседнюю комнату.

— И вот тогда она и говорит... — слышалось оттуда.

* * *

Странно... День прошёл, а картинка чудесного леса так и не выветрилась из моей памяти. Я помнил всё! Подушка удобно уюстилась под головой, а в полумраке спальни колыхались тени величественных, достающих до самого неба деревьев с причудливой резной листвой. Вот я выхожу на полянку, раздвинув влажные кусты...

— Валера! — ворвалось резкое в умиротворяющую тишину. Я вздрогнул. — Ты что, спишь? Так рано?

— Устал я, — недовольно буркнул я в ответ, — сказал же, спать иду.

— Извини, не слышала... Раз уж не спишь ещё... окорочка будем брать? Коробку? Тут Марии Петровне на работе по бартеру предлагают.

— Ай... Да бери, что хочешь. Дай поспать!

— Ладно, я уже сказала, чтоб отложили, — если сказала, нахрена будить? Я уже почти был там... А вдруг? И я повернулся на бок.

Спугнутый сон не сразу осмелился вернуться

на завоёванные позиции. Сон подобен чуткому лесному зверьку. Приманиваешь его, приманиваешь, а потом, бац! Одно неосторожное движение, и сон ушёл, покинул, растаял, как дым от сигареты. А вот тот мой лесной зверёк совсем не таков. Он ничего не боится! Сам чуть выше моего колена, а не убегает, подходит, знакомится. Вон оттуда он вышел, из-за шарообразного кустарника, усеянного крупными красными бутылкоподобными цветками. А вот тут я сидел. Надо же, ещё трава не совсем распрямилась. Деревья всё так же загораживают горизонт. Птицы снова разноголосно щебечут в их кронах. И запах! Терпкий, волнующий сгусток ароматов ворвался в мои ноздри с очередным новым вдохом. Невероятно! Я снова был там, в моём удивительном сне, в который я уже и не надеялся никогда вернуться.

Я изумлённо огляделся. Следов моего необретённого друга нигде не было видно. Ветви деревьев колыхались, заметны были крылья птиц в ярком оперении, перепархивающих с места на место. Птицы были похожи издали на попугаев. Господи, как хорошо-то! Нет, так не бывает. Не знаю, как в джунглях, а в нашем обычном лесу, хоть и хорошо, конечно, но вечно что-то мешает. Комары, жара, колючки в ботинках. Удивительно, но ничего подобного здесь не наблюдалось. Были какие-то насекомые, они носились кругами над

водой, и за ними изредка выпрыгивали на всю длину тела пятнистые рыбы. Клянусь, это была форель, хоть я не особо-то в них разбираюсь. Но эти насекомые мне ничуть не докучали. Было влажно, но не душно. И совсем не жарко. Нормально было, ни жарко, ни холодно.

Солнце светило теперь прямо мне в лицо. В прошлый раз я не видел солнца, похоже, оно было за деревьями. Но, что это? Тень моя тоже падала вперёд, неясная, размытая, но, несомненно, тень. Я обернулся. Вот это да! Прямо за моей спиной из-за кромки близкого леса показалось ещё одно солнце. Было оно красноватое и чуть поменьше обычного, как мне показалось. Хотя, я же не мог смотреть на него не сощурившись. Как реально всё! Лучи противостоящих светил пригревают одновременно и лицо, и спину. Незнакомые запахи будоражат кровь. Плеск рыбы. Трели птиц в высоких ветвях. Ласковое дуновение тёплого ветерка. Я это всё видел, слышал, ощущал. Я потрогал землю. Она была влажной и тёплой. Я сорвал цветок с ближайшего куста. Цветок был, как наш опушившийся одуванчик, только голубой и плотный, похожий на шарик ванильного мороженого. И пах ванилью. Я не удержался и лизнул. Так я и думал! На вкус лепестки были сладкими, а по консистенции напоминали комок сахарной ваты. Чудеса! Я не удержался и тут же с

удовольствием съел ещё парочку. «А вдруг он ядовит?» — мелькнула шальная мысль.

Я рассмеялся. Было удивительно легко, хорошо и беззаботно. Отравился ядовитым цветком в собственном сне. Что может быть нелепей? Ущипните меня! Кажется, так говорят. А что? Я взял и дёрнул изо всех сил клок волос на затылке. Чёрт, больно!

А дивный лес на неведомой планете в тот же миг резким скачком рванул от меня прочь и пропал в полумраке нашей спальни, освещённой лишь бликами от ночника.

— Ой, прости, я тебе на волосы случайно локтём наступила. — Валя сидела на кровати рядом в ночной рубашке и расплетала косу. — Заколку хотела на тумбочку положить.

Я ошалело смотрел перед собой. Всё-таки, это сон... Как жаль!

— Что с тобой? Кошмар приснился? — спросила жена.

— Наоборот, — я с трудом разлепил плотно сомкнутые губы, — мне снилась сказка. Удивительная сказка! Представляешь, я попал...

— Давай, ты мне утром расскажешь, — перебила меня супруга. — Время уже полпервого, а мне к десяти в парикмахерскую.

В эту ночь мне так и не удалось больше попасть в свою чудесную страну. Я долго лежал

под одеялом, прижавшись к тёплому мягкому боку Валентины. Жена уже храпела, а мне сон так и не шёл. Я встал, прошёл на кухню, достал из холодильника пакет сока, налил полстакана. Эх, сто грамм бы! Если б не язва. Мысли были взбудоражены странным явлением повтора сновидения, и спать уже совершенно не хотелось. Я шагал из угла в угол, включил телевизор, но не смотрел. Точнее, не видел, что там показывают. Жаль, что курить бросил пару лет назад. Может, помогло бы успокоиться. Я лёг. Поворочался с полчаса, поглазел в потолок. Посвистел храпящей Валентине. Бесполезно. Наконец, под утро я забылся в тревожном полубреду, но снился мне не диковинный лес на странной планете, а мой друг Колька. Был он бледен до прозрачности, ничего не говорил, а только качал головой и укоризненно смотрел на меня.

* * *

На работу я опоздал. Начальник сделал удивлённые глаза, но ничего не сказал. Не помню уж, когда я опаздывал в последний раз. Однако на замечание я нарвался позже. Я забыл о работе. Всё думал о странном сне про Кольку. Что это значит? Кстати, давно я не звонил, не писал. Надо хоть пару строк черкануть на е-мейл. А раз уж залез в

интернет, заодно разузнаю про системы двойных звёзд. Надо же! Это не такое уж и редкое явление во вселенной. И не исключено, пишут учёные, что около некоторых возможно зарождение планет и даже возникновение на них жизни. Конечно, возможно, я же видел собственными глазами. Во сне... Пусть во сне, но в таком реальном сне, что вам и не снилось. Каламбурчик, ха-ха.

— Валерий Павлович, вы подготовили смету для керамзитового? — голос начальника оторвал меня от монитора. Чёрт! Я же сегодня утром должен был сдать её на подпись.

— Николай Иванович... Я не успел... — что я ещё мог сказать? Как оправдаться?

— Как, не успели? — густые кустистые брови начальника поползли вверх, — Немедленно оторвитесь от своей ерунды и приступайте к работе! У нас договор подписан должен быть через неделю, а вы даже смету не подготовили. Я буду вынужден принять меры дисциплинарного взыскания!

Николай Иванович — работник старой закалки. Уже пять лет на пенсии, а всё не уходит. Директор ценит его, как великого знатока своего дела. Возможно, так оно и есть. Но нас он привык держать в ежовых рукавицах. Премии мне не видать, однозначно.

Смету я кое-как подготовил. Правда, сделал

ошибку в реквизитах заказчика, о чём дотошный Николай Иванович не замедлил мне сообщить. Ну да ладно, это дело исправить — две минуты. Даже не как два пальца...

Времени совсем не оставалось, чтобы думать о моём мире. Только в обеденный перерыв я завис над бутербродом, как вертолёт перед посадкой. Но посадка затянулась. Практикантка Леночка хихикала в ладошку, глядя на моё изваяние, застывшее с открытым ртом. Чёрт! А я хотел было за ней приударить...

Вечером домой не хотелось. Я пошёл пешком, торопиться мне было некуда. В парке думы о таинственной планете нахлынули с новой силой. Но писк мобильного прервал размышления. Звонила жена.

— Ты где?

— Гуляю.

— Как? Ты что, забыл?

— Что? — я начал смутно припоминать, что должен был по какой-то причине сегодня вернуться пораньше.

— Мы же сегодня идём к Катаньянам на день рождения!

Чёрт! Чёрт, чёрт, чёрт! Ох уж, мне эти Катаньяны. С тех пор, как лучшая школьная подруга Вали — Люська вышла замуж за этого Катаньяна, нам пришлось «породниться» со всей их

многочисленной роднёй. Бабушка Нинэ, сам Катанян, дедушка из Еревана, сестра, двоюродный брат, за компанию Люська и наконец четверо детей, которые народились за последние пятнадцать лет. Такое ощущение, что к Катанянам мы ходим чуть ли не каждую неделю. А отказаться нельзя — шумная кавказская семья не простит обиды.

— А кто родился-то? — в замешательстве вымолвил я.

— Как, кто? Люська! А мы ещё подарок не купили. Чего, думаешь, я сегодня в такую кромешную рань в парикмахерскую потащилась? Да я ж тебе вчера говорила!

Говорила? Не помню... «В кромешную рань»? Это в десять-то часов! Я нажал «отбой» и рванул на остановку.

— Переодевайся! — скомандовала мне жена, как только я влетел, запыхавшийся, в прихожую. Сама она уже была «при параде», в голубом обтягивающем платье, удачно маскирующем отсутствие талии с помощью рюшечек, вся в завитках и при маникюре.

— А ты у меня ещё ничего! — потянулся я двумя руками к выпуклостям на платье.

— Сгинь! Не заслужил! Одевайся, бегом!

Э-э! Не люблю эти формальности. На работу я хожу в джинсах и куртке, почему же в гости должен переться в тесном костюме и при галстукe.

— Валь. Этот костюм мы покупали перед Машкиной свадьбой. Он уже маловат мне, — я привычно блял, заранее предвидя поражение в споре. Так оно и вышло.

— Не нравится — купи новый. А не можешь — не вякай.

— А туфли? Они же жмут. Опять ногу натру.

— Зато они итальянские! Перед людьми стыдно не будет!

Вот так и живём. Не важно, что сами дома в рваных трусах ходим и чайный пакетик по три раза завариваем. Зато в гости — в итальянских туфлях, хоть и единственных, с причёской за мой полумесячный заработок, а в подарок — сервиз, не иначе. Чтобы перед людьми, значит, стыдно не было. Для таких, как мы придумали манишку — это, когда спереди — рубашка, а задница голая. Кстати...

— А что дарить-то будем? — я замер в предчувствии ответа.

— По дороге зайдём в подарочный. Я вчера там такой сервиз присмотрела!

— Опять сервиз? Да у них там этих сервизов! Хоть сервизный центр открывай!

— Тебе какое дело до чужих сервизов? Они-то нам, как-никак, тоже сервиз преподносят. И нехилый!

— Так они к нам сколько раз в год ходят?

Один? Ну, два. А мы к ним каждый месяц. И потом, мне кажется, что последний их сервиз уж очень похож был на тот, который мы им в прошлом году дарили.

— Может, и похож... Дарёному коню-то, сам знаешь. А может, перепутали. У них же там этих сервизов! Тем более, что не одни мы к ним в гости ходим. Зато мы им этот сервиз на следующий год подарим! Когда они сами забудут, как он выглядел.

— А давай мы лучше сегодня им их прошлогодний сервиз подарим! А? Им же всё равно, а нам — экономия.

— Нет, тот, прошлогодний, нельзя. Я его открывала, когда к нам мама приезжала. Упаковка нарушена, нельзя.

— Знаешь, что! Из-за твоей мамы я теперь опять должен неделю дошираками питаться! И так язву уже наел. У меня же нет заправки!

— Вот именно! Помолчал бы лучше в тряпочку! Почему у Катаняна есть заправка? Да потому, что он не скупердяй! И Люська за него поэтому замуж вышла. А не хочешь дошираки, наедайся в гостях на всю неделю. Ты ещё не оделся?

Логической связи между скупердяйством и заправкой я не видел. Но с Валькой не поспоришь! Я зашнуровал послабее эти чёртовы итальянские туфли, и мы двинулись в путь.

Конечно, мы немного опоздали. Гости уже собрались. Люська бросилась к нам, выхватила сервиз, не глядя кинула его на полку и полезла целоваться. Я проследил за траекторией полёта нашего драгоценного подарка. Разве можно так с посудой обращаться!? Но на полке этот сервиз оказался не первым. Далекое не первым.

Стол ломился от угощений, просторная гостиная стала тесной от обилия гостей. Катанян уже стоял с рогом, произнося тост, очевидно не первый. Чернявые дети бегали туда-сюда, ныряли под скатерть, галдели, и от того казалось, что их сразу в несколько раз больше. Лишь только старшая — красавица, почти взрослая, помогала бабушке Нинэ уносить тарелки и приносить новые блюда.

Гости плотно сидели на лавках. Для нас с трудом нашлось свободное местечко. Катанян громко и с акцентом вещал что-то о своей красавице-жене, которая год от года только молодеет. Конечно, молодеет. Ведь ей каждый год всё больше и больше натягивают кожу на лице. Наверное, поэтому она теперь вообще не перестаёт улыбаться. Даже во сне. Интересно, а как она повела бы себя в моём сне? Громко звала бы мужа? Бегала вдоль ручья, растопырив маникюры, чтобы не дай Бог, не сломать ноготок? Впрочем, кто бы её пустил-то туда? И вообще... Снятся ли таким людям сны?

Гости оживлённо переговаривались, не переставая чавкать и звенеть бокалами. Над всей этой какофонией звучно выделялся басовитый рокот самого Катаняна, который не переставая советовал гостям налегать на угощение. Подали бозбаш. Жирное и острое не люблю, но мяса поел бы с удовольствием. Однако чёрт меня дёрнул выпить бокал шампанского. Неудобно было отказаться, за здоровье именинницы. Язва тут же дала о себе знать тупой болью под сердцем. А маалокс я оставил в спешке в своей куртке. С мечтой о набивании желудка пришлось распрощаться. Валя сидела бок о бок с Люськой, две неразлучные подруги. Как будто не было между ними смертельной вражды из-за одного симпатичного мальчика в далёком десятом классе. Впрочем, сколько лет-то прошло! И мальчик тот уже совсем не мальчик, а специалист-язвеник, блин. Кто старое помянет, тому... и рак — рыба. Да, рыбы бы. Рыбыбы. Мы не рабы, но рыбыбы. Бред!

Я знал, что желудок мой сейчас совсем изойдёт соком и переварит сам себя. Бабушка Нинэ принесла мусаку. Вообще, все блюда она готовила исключительно сама. Не думаю, что Люська коснулась готовки хоть кончиком своего хищно наманикюренного мизинчика. Её задача в этом доме состояла совсем в другом — громко и без остановки восхищаться невероятными талантами

своего мужа. Вот и сейчас сквозь рокот толпы прорывался её елеиный тонкий голосочек. «Это всё благодаря моему мужу...» Дальше — неразборчиво. Мумужу. Рыбыбы. Спать хочу! Хочу уснуть отсюда. Впрочем, ещё Люська неплохо и довольно-таки часто умела делать своему мужу детей. Мумужу, опять. Хотя, кто её спрашивал, наверное.

— Валэра! Щто с тобой? Почэму не кушаешь? — раздался у меня под ухом басовитый голос, почти такой же басовитый, как и у главы семьи, и мягкий ус щекотно коснулся моей щеки.

— Бабушка Нинэ! Желудок болит, язва, будь она неладна.

Старушка внимательно посмотрела на меня своими большими чёрными глазами и кивнула. А через минуту сунула мне в руку стакан, наполненный чем-то белым, молочным. То ли кефиром, то ли ещё чем.

— Випей! Випей, випей!

А что? И «випил». Что это? По вкусу, как ряженка, но не сладкая. И не кислая, как кефир. Удивительно! Боль плавно рассосалась, будто растворилась в этом белом приятном веществе. О! А вот и форель, обсыпанная зеленью! Рыбыбы. Мечты сбываются! Почему-то подумалось, что такая же форель плещется в моём ручье. «В моём». Не рано ли я его себе присвоил? Эх! Я бы щас

форельку заглотнул! Форелюгу!

— Валэра! — снова раздался в ухе знакомый басок, только на этот раз совсем тихо, — Нэ ещэ! Он нэ свэжый.

Я удивлённо оглянулся. Бабушка приложила к своим полным губам мясистый палец, так, что её почти что гусарские усы разделились ровно на два ручейка.

— Дядя Валера! — с другого бока незаметно подошла старшая дочь, не знаю, как её там по паспорту зовут, но мы называли её Ниной. Нина-младшая. В руках она держала тарелку с чем-то похожим на геркулесовую кашу.

— Что это?

— Это ариса. То, что вам сейчас нужно, дядя Валера.

Каша пахла мясом или курицей, но не пахла специями. И кашей тоже не пахла.

— Спасибо, Нинок! Ты — настоящий друг!

Вкусно! И питательно, судя по всему. Я съел полтарелки, а желудок уже запросил передыху. Голод ушёл, боль ушла. Гомон гостей расслаблял, убаюкивал, подобно приглушенному бубнению телевизора. Меня о чём-то спрашивали соседи, я кивал и улыбался. Лица были разные, и все в разной степени опьянения. Взирать на них трезвым взглядом было немного забавно, но много неприятно. Тем более, что я не особо-то знал этих

людей. В основном, здесь были «нужные люди» — местные шишки с жёнами, авторитеты с любовницами и какие-то партнёры Катаняна то ли по бизнесу, то ли ещё чего. Меня, конечно, познакомили когда-то, но я не уверен, что помню всех поименно. И абсолютно уверен, что моё имя не запомнил никто из гостей. Им это надо?

— Э-э... Уважаемый, — обратился ко мне один из мужчин, что сидел от меня по правую руку. — Вы не могли бы передать хлеб?

Ну? Что я говорил? Кстати, счёт один-один. Я тоже не помню, кто это, и как его зовут, хотя вижу этот красный пупырчатый нос далеко не впервые.

От множества разгорячённых выпивкой тел в комнате было жарко. Гости не стесняясь курили прямо за столом, а я с тех пор, как бросил, очень плохо реагирую на табачный дым. Дополняли букет запахи пота и выдыхаемого полупереваренного спиртного. Перегара, то есть. Я снял тесный неудобный пиджак, но рубашка тоже немного стесняла подмышками.

Эх, оказаться бы сейчас там! У своего тихого ручейка, где пахнет свежестью и диковинными цветами. Где олешки с глазами крестиком тыкаются своими влажными любопытными носами в ладошку. Где дивные птахи щебечут ангельскими голосами арии из ещё не написанных опер. Где свежие форели выпрыгивают из воды,

демонстрируя своё гибкое пятнистое туловище.

И ведь никто из присутствующих не заметил бы моего отсутствия! Был же, вроде, тут один. Как его там? Хлеб вон передавал. Вышел, наверное. А может, и не было его?

Несмотря на духоту и тесноту, тело моё отдыхало. Желудок совершенно успокоился, голод ушёл, а разум постепенно отключился от окружающей действительности. Давала знать о себе бессонная ночь. Глазки самопроизвольно закрывались, и я всё чаще клевал носом прямо в тарелку с недоеденной этой... арисой.

С армии осталась привычка отрубаться в любую свободную минутку. Тогда же я научился спать с открытыми глазами. Главное, принять устойчивое для тела положение. Расслабиться... И...

Многоголосый гомон гостевого сборища вдруг начал походить временами на птичий щебет. Нет! Да! Так и есть! Прямо не сходя со своего места за богато накрытым столом, я неожиданно вновь очутился на знакомой лесной поляне.

Характерный аромат разгулявшегося застолья сменился на уже хорошо знакомый мне пряный запах тропического разноцветья. Как просто! Как просто попасть «домой», нужно только позволить Морфею забрать тебя в свои объятия.

Я огляделся. Красное солнце стояло низко над

горизонтом, едва-едва выглядывая из-за верхушек деревьев. От того поперёк поляны пролегли длинные густые тени. Жёлтого солнца же вообще не было видно. То ли было раннее утро, то ли поздний вечер, я ещё не разобрался. Яркий жёлтый с синими полосками попугай перепорхнул на моих глазах от высокого куста с длинными серебристыми листьями до близкого леса и уселся на низкую ветку раскидистого дерева, глядя на меня любопытным и совершенно лишённым испуга глазом. Птиц с таким диковинным опереньем я доселе не видел и поэтому шагнул поближе, не сводя с него восхищённого взгляда. Вблизи попугай оказался довольно-таки крупным, величиной с хорошую курицу. Я протянул руку. Но правая нога в этот момент зацепилась за какой-то невидимый в траве корень, и я рухнул всем телом, прямо, как и был, с по-ленински протянутой вперёд рукой. Лоб мой воткнулся в мягкий и обволакивающий мох ближайшей кочки, которая оказалась странно липкой и тёплой.

— Валера! — возмущённо заорал попугай, почему-то голосом моей жены, и тут же исчез в неизвестности вместе со стремительно удаляющимся тропическим лесом, поляной и красным заходящее-восходящим солнцем.

Снова завоняло тлеющими окурками и разлитым на скатерть вином, только было

подозрительно тихо. Я лежал лицом в тарелке с кашей, а все гости молчали и изумлённо смотрели на меня. Не звенели вилки и бокалы, не чавкали рты, не бубнили голоса.

— Извините... — нарушил я неловкую паузу, смущённо вытирая салфеткой вмиг ставшее красным лицо. — Плохо спал ночью.

— Ничего, бывает! — ободряюще пророкотал Катанян и повернулся к своей обожаемой жене, дав этим знак, что инцидент исчерпан. Все остальные продолжали смотреть на меня, насмешливо улыбаясь, и только Валя сурово нахмурила брови и покраснела.

— Пожалуй, нам пора. Муж действительно не выспался. — произнесла она извиняющимся тоном и встала из-за стола.

Спешно, так толком и не попрощавшись, мы покинули праздник. Для кого-то и праздник, а для меня, конечно, фиаско. На улице уже было темно. Первые весенние лужи, появившиеся солнечным днём, успели подёрнуться тонким ледком. Маршрутки долго не было. Мы замёрзли и поймали частника. Сидя на заднем сиденье, я расслабился и согрелся. Мыслей не было. А Валя, до этого не проронившая ни слова, вдруг разразилась целой обличительной речью в мой адрес. Я слушал вполуха. Смысл был понятен. Иногда сквозь дрему прорывались отдельные фразы: «Позор-то